

ПРОЛОГ

Неделю назад

«Прости, но я хочу расстаться».

«Знаешь, дело не в тебе, а во мне. Ты хороший парень, но я хочу закончить наши отношения».

«Извини, поужинать не получится, потому что я тебя бросаю».

Да почему это так сложно?

Я поправляю платье и ерзаю на мягком стуле, сидя в ресторане напротив прекрасного парня, к которому не чувствую ровным счетом ничего. Я ехала сюда в надежде расстаться, а теперь не могу выдать из себя ни слова.

Мы с Денисом встречаемся уже полгода, и, наверное, я должна была прекратить отношения раньше, но до меня слишком поздно дошло, что я его не люблю. Он классный, интересный, успешный и уверенный. Но не мой. Я не так давно поняла, что нельзя держать возле себя не своих людей и оставаться там, где тебе некомфортно.

— Настюш, все в порядке? — спрашивает Денис с беспокойством, когда мы отвлекаемся от меню в ожидании официанта.

Я смотрю на свое легкое летнее платье, потом перевожу взгляд на букет белых роз. Их подарил Денис, когда я вышла из такси. Мы в модном

ресторане, одном из лучших в городе, а я, блин, в сарафане, потому что место было сюрпризом. И теперь мне неловко. Терблю подол. Мой наряд совершенно не сочетается с цветами и люксом заведения. Денис же выглядит, как всегда, сдержанно: белая рубашка с расстегнутым воротом и закатанными до локтя рукавами, темно-серые брюки и кожаный ремень.

— В полном, — выдавив из себя улыбку, киваю ему. Ну как сказать, что наши отношения себя изжили? Почему это так сложно? — Просто днем болела голова, — я даже не вру. Голова у меня и правда разболелась, пока я продумывала речь на случай расставания.

Мы выбираем блюда. Я ограничиваюсь самым дешевым салатом и чашкой чая. Денис хмурится, слушая мой заказ, но не спорит. У меня нет проблем с аппетитом, обычно я ем нормально, но сейчас не уверена, что мы вообще дождемся заказа.

Место пафосное, все вокруг выглядит стильно. Денис во всем этом антураже идеален. Он будто был создан, чтобы ходить в подобные места на бизнес-ланчи. Я же чувствую себя белой вороной и ерзаю в кресле. И дело не в том, что я не знаю, как себя вести. Я прекрасно знакома с правилами этикета, просто это место мне не по душе.

— Пока мы ждем, я хотел кое-что с тобой обсудить, — Денис наклоняется ко мне через стол и берет мою руку, чуть сжимая и поглаживая большим пальцем запястье.

— Эм... что? Я тоже хотела поговорить, — уголки моих губ нервно дергаются.

— Окей. Но давай я первый, потому что мне еще нужно отправить ответ. — Денис тепло улыбается

и склоняет голову набок. Я привыкла к тому, что он всегда в делах. Только летом был более-менее разгружен. В остальное же время спортивный директор хоккейного клуба занят работой.

Я готова отдать пальму первенства в нашем диалоге, потому что мне стыдно бросать хорошего парня. Чувствую себя так ужасно, что от волнения скручивает живот.

Помощь приходит откуда не жду. На столе вибрирует телефон.

Я долго смотрю на экран: на нем всего четыре буквы, которые сводят меня с ума каждый раз. Мама. Она никогда не звонит, чтобы узнать, как у меня дела или как я себя чувствую. Нет. Маме всегда нужны деньги. В крайнем случае хотя бы богатый зять, который не сможет оставить мать своей любимой женщины в тяжелом положении.

— Прости, это мама, — вздыхаю, и Денис понимающе улыбается. — Если это не предложение руки и сердца, то я на все согласна, — подмигиваю своему пока еще парню, снижая градус напряжения.

Поднявшись, иду в сторону уборной и принимаю звонок.

— Да, мам, — отвечаю, толкая дверь в туалет.

— Ты не звонила мне два дня. Совсем наплевать на мать? — звучит вместо приветствия страдальческий голос. — А если бы со мной что-то случилось? А если у меня остановилось сердце и я вообще умерла?

Это все манипуляции. В маме здоровья хоть отбавляй: не удивлюсь, если она переживет и моих еще не родившихся детей.

— Мам, с тобой ведь все в порядке, — закатываю глаза. — И ты можешь мне позвонить сама.

— Все сама! Я и так всегда сама! Дочь у меня есть или нет? — причитает мама.

Мне хочется повесить трубку, потому что я знаю, что будет дальше. Я и так взвинчена встречей с Денисом, но теперь настроение падает на самое дно, с которого я не смогу выбраться за пару минут.

— Есть, конечно, ты же ей звонишь, — говорю быстро, не позволяя ей и слова вставить. — Mam, что у тебя случилось? Прости, что не звонила, некогда было. Ты ведь знаешь, что я ищу работу.

— Работу она ищет. А о матери кто подумает? — мама снова продолжает крутить заезженную пластинку. — Ой, горе мне, горе. Одна тебя тянула, а благодарности ни-ка-кой.

Упираюсь ладонями в подставку для раковины, смотрю на свое отражение в зеркале, не понимая, почему до сих пор терплю подобные высказывания.

— Сколько, мам? — перехожу к сути. Меня ждет Денис, я не могу до бесконечности здесь стоять. — Сколько благодарности тебе нужно?

— Пять... тысяч, — мама не смущается. Она искренне верит, что дети должны помогать родителям во всем. И я не против, но у всякой помощи есть границы.

— Хорошо, я переведу, как только мы закончим говорить. Но, мам, это последние мои деньги. — Я поджимаю губы, чтобы не расплакаться. Подбородок дрожит. Мне так обидно, что мы не можем общаться нормально. Отец живет в другом городе, но даже с ним у меня взаимоотношения более доверительные, чем с мамой. Я не могу ей об этом сказать, иначе начнется новый скандал, потому что она до сих пор обижена на отца, бросившего ее шесть лет назад. — Я без работы, а мне нужно на что-то жить и снимать квартиру.

— Господи, Настя! Ты всегда можешь вернуться домой и не тратить деньги на съем!

О, нет. Я сбежала из дома и ни о чем не жалею. Туда я точно больше не вернусь, иначе мама уничтожит мою нервную систему раньше, чем я начну сидеть.

— Мам, мы это уже обсуждали. Прости, мне пора идти. Целую тебя!

Я быстро отключаюсь, пока мама не придумала еще какие-то причины со мной поговорить. Подставляю ладони под холодную воду и остужаю свой пыл.

Перевожу деньги и впервые в жизни всерьез думаю попросить помощи у папы. Если я не найду работу в ближайшую неделю, мне будет не на что жить. Запасы существенно истощились во время прошлой маминой истерики.

В зал я возвращаюсь поникшей. Денис легко считывает мои эмоции и поджимает губы, а после ловит мою руку и переплетает наши пальцы.

— Как все прошло? — интересуется он осторожно.

Я не рассказывала Денису всех подробностей. Просто упомянула, что у нас все сложно с мамой, и попросила не поднимать тему. Он послушал и больше не задавал вопросов. Только обнимал меня как можно крепче после того, как я заканчивала телефонный разговор.

Я точно уверена, что его надо бросить?

— Ничего нового, — неопределенно веду плечом. — Не бери в голову. Я вернусь в норму через пару минут. — Сажусь удобнее и подаюсь вперед, демонстрируя заинтересованность в нашей беседе. — Ты что-то хотел мне сказать.

— Я хочу предложить тебе работу. В нашем хоккейном клубе открывается вакансия пиар-специа-

листа: соцсети, сайт, реклама, популяризация команды. Пул работ широкий, занятость полная. У тебя есть в этом опыт, и на собрании со спонсорами я выдвинул твою кандидатуру. Они не знают, что мы встречаемся, я просто предложил тебя как хорошего специалиста. Здесь, — свободной рукой он подает мне закрытую кожаную папку, — описание вакансии. Посмотри сейчас, я бы очень хотел, чтобы ты на нее согласилась. Ответ нужен сегодня. Если ты откажешься, вакансию завтра разместят на сайтах.

— Что? Ты серьезно? — Я быстро подтягиваю к себе папку и бегаю взглядом по требованиям.

Я подхожу по всем, потому что делала то же самое на прошлой работе за копейки. Не то что здесь.

— Да, будем работать вместе, сможем видеться чаще. — Денис касается моей щеки и нежно гладит. Моя совесть бьется в черепной коробке, требуя прекратить весь этот фарс. — Скоро начнется сезон, мне придется ездить на игры с командой. Мы будем редко видеться, а мне слишком нравится быть с тобой, чтобы от этого отказываться.

Боже! Боже! Боже! Я ужасная. И я обязательно сгорию в аду.

Но я буду полной идиоткой, если сейчас откажусь.

Зажмуриваюсь и кусаю губы. Если я предложу Денису расстаться, он обидится и отзовет предложение, и тогда мне точно придется переехать к маме. А если не обидится и все-таки примет меня на работу, я буду гореть от стыда всякий раз, когда мы будем видеться.

— Настюш, что-то не так?

— Нет-нет, все так. — Открыв глаза, смотрю на своего парня. Я не настолько отвратительная, чтобы бросить его прямо сейчас. Не тогда, когда он ис-

кренне мне помогает. Кто вообще отказывается от протянутой руки, когда тонет в открытом море?

— И?..

— Я согласна, — киваю, смиряясь с мыслью, что буду решать проблемы по мере их поступления.

Вот только я тогда не знала, что главной проблемой станут не мои отношения с Денисом, а один красивый как бог хоккеист.

— Дэн, ты просил зайти перед раскат... — замолкаю на середине слова, останавливаясь у приоткрытой двери в кабинет спортивного директора. Жалюзи в его стекляшке впервые опущены, а свет исходит только от настольной лампы и экрана телевизора, на котором без звука транслируется финальный матч нашей команды в прошлом сезоне.

Мы недавно пересматривали игру и разбирали ее с тренером. Впереди новый сезон, мы уже вошли в режим и активно тренируемся на льду. Впереди увеличение нагрузок, первые установки и подвижки в пятерках. А еще — новые рекламные контракты, которые тоже не мешало бы обсудить.

Но все это вытесняется из моей головы сладкими стонами девицы, которая сидит на столе, широко разведя ноги.

— О, да-да-да, Денис. Боже! Еще. Да, вот так. — Она опускает руку между ног. Я не вижу, что происходит, но догадываюсь, судя по тому, что фигуры Дэна не видно, а крошка стонет так, словно ей доставляют удовольствие.

Твою мать.

Надо бы уйти и перестать пялиться, но мои ноги намертво прирастают к полу. Я продолжаю наблюдать за тем, как девчонка в бежевой блузке и задран-

ной до талии юбке извивается на столешнице и едва не хнычет, утопая в наслаждении.

Ее темные локоны рассыпаются по спине. Она запрокидывает голову, и мне открывается ее длинная тонкая шея. Я облизываю губы, представляя, как впиваюсь зубами в эту шею и оставляю на ней влажный след.

Желание растекается жаром под кожей. Малышка кайфует, и я ловлю каждую ее эмоцию, пока кровь из головы отливает на метр ниже. В тренировочных подштанниках становится тесно. Я с трудом сглатываю вязкую слюну.

— Пожалуйста, продолжай. Да-да, о, Денис, да-да-да! Я сейчас кончу, — ее голос срывается. Хриплые стоны оседают в моей голове.

Сейчас, блядь, я кончу, стоя за дверью, как долбаный подросток, которому впервые показали порно. Тело напрягается, пульс стучит в висках. Я сжимаю кулаки и заносу руку, чтобы прервать это лайф-порно или хотя бы закрыть дверь, но останавливаюсь, потому что мое внимание снова привлекает она.

Стоны вмиг стихают, остается только рваное дыхание. Малышка дрожит, сводит плотнее бедра и беззвучно открывает и закрывает рот. Она кончает так красиво и вкусно, что на мгновение приходится пожалеть, что не я нахожусь между ее ног. Грудь вздымается от тяжелого дыхания, по шее стекает капля пота, поблескивающая в свете экрана. Эта красивая девчонка только что получила крышесносный оргазм.

Она озорно усмехается и тянет Дэна за волосы наверх.

— Обещай мне такое хотя бы раз в неделю, и я согласна, — соблазнительно произносит она, скользя ладонями по его груди. Сначала вверх к плечам, а потом вниз, так, что Дэн округляет глаза.

Он впивается в ее губы и жрет их с тем же энтузиазмом, с каким, я уверен, доставлял малышке удо-

вольствие еще несколько секунд назад. Она стонет прямо в его рот.

Вот только не начните трахаться здесь.

Словно услышав мои мысли, он давит ладонью ей на грудь, вынуждая лечь. И она опускается спиной на стол, но задевает рукой лампу, так, что та с грохотом падает на пол.

Звук действует отрезвляюще. Я отступаю на шаг, чтобы меня не было видно, и встряхиваю головой. Мне жарко в форменной защите. Оттягиваю ворот майки и терблЮ его, надеясь, что это поможет.

Не помогает.

Картинка оргазмирующей малышки стоит перед глазами, пока я иду по коридору до самой коробки. Потом я вижу ее всю раскатку. Пару раз падаю, а потом вхожу в раж и не замечаю, как зажимаю у бортика Степанова и переворачиваю Гаврилина.

— Орлов, блядь, ты совсем? У меня же плечо! — кряхтит он, становясь на колени.

Я подъезжаю к нему и помогаю подняться.

— Прости, Жень, я забыл. — Мыжимаем руки, и я снова натягиваю перчатку.

— Ты сегодня какой-то бешеный. — Он хлопает меня по плечу. — Случилось что?

Случилось.

Я не трахался пять месяцев. Мои отношения закончились, а в новые я как-то не успел вступить, поэтому сексуальная девушка и эротическая сцена меня возбудили. Выпустить пар в ледяном душе я не успел, поэтому принес всю ярость на площадку, где покалечил часть команды, пока остальная избегала меня, двигаясь в противоположную сторону.

— Задумался. Все норм, — выдавливаю из себя улыбку.

Раздается тренерский свисток, и мы все катим к бортику. Сегодня официальное открытие тренировоч-

ного сезона, в этот день руководство клуба в лице спортивного директора говорит какие-то красивые слова о важности командной работы, упорном труде и победах. В общем, несет браваду, которую мы вынуждены слушать, а потом дружно хлопать, мечтая, чтобы это скорее закончилось.

Так происходит и сегодня. Дэн, который успел привести себя в порядок, выходит вперед. Он что-то говорит, но я не слышу, потому что пялюсь на девушку за его спиной. Ее волосы собраны в небрежный пучок. Так вроде бы модно, но я вижу выбивающиеся из прически темные локоны. Бежевая блузка, немного помятая на животе, и вовсе пробуждает воспоминания, которые до сих пор не утихли.

Я тяжело сглатываю.

Парни хлопают.

— А, да, и еще. Пожалуй, одно из важных заявлений. С этого сезона в нашем клубе появляется спортивный менеджер, отвечающий за блок коммуникации и соцсетей. Прошу любить и жаловать — Анастасия.

Да ну нахер!

Она выходит вперед, на щеках красивый румянец. Ребята улюлюкают, приветствуя красивую девушку.

— Всем привет. Я вас знаю только по видеозаписям и спискам, но надеюсь со всеми познакомиться в ближайшее время и приступить к плодотворному сотрудничеству.

О да, сотрудничество будет зашибись каким плодотворным.